
Глава 16.

1911 год

Год о Столыпине. С начала этого года и до его конца только и было разговора, что о Столыпине.

О его политике во внутренних делах так много говорено и писано, что добавлять ничего не приходится. Не говорилось и <не> писалось, насколько известно, лишь о его руководстве внешнею политикою, хотя ровно год — с осени 1910 г., когда ушел Извольский и министром иностранных дел был назначен свояк Столыпина Сазонов, и до осени 1911 г., когда был убит Столыпин, именно он фактически руководил нашею внешнею политикою, руководя действиями номинального главы дипломатического ведомства Сазонова. И надо отметить, что в этот год новых, по крайней мере, промахов в направлении внешней нашей политики содеяно не было. Это *несомненная* заслуга Столыпина.

Справедливости ради, позволю себе еще отметить одно его качество, как хотите, привлекательное в сознании человечества поныне с самых отдаленных времен. Это бесстрашие. Достаточно известен эпизод, когда Столыпин в относительно скромной роли саратовского губернатора в ту пору, когда губернаторов расстреливали, как куропаток, врывается в бунтующую толпу. На него наступает человек с явно агрессивными намерениями, с убийством во взгляде. Столыпин бросает ему на руки снятое с плеч форменное пальто с приказанием, отданным так, как умеет повелевать одно только уверенное в себе бесстрашие: «Держи». Ошеломленный презумптивный «убийца» машинально подхватывает губернаторское пальто. Его руки заняты. Он парализован. И уже мыслью далек от кровавой расправы. Столыпин спокойно держит речь за гипнотизированной его мужеством толпе. И он и она мирно расходятся. Этот «прецедент» убеждает в правдивой искренности сделавшейся историческою реплики премьера-Столыпина левому крылу Государственной думы: «Не запугаете»¹. Бесстрашен был Столыпин и когда его «взрывали» на Аптекарском острове. И после того, как его «взорвали», до самой смерти от руки все-таки нашедшегося, наступившего его убийцы. Бесстрашен был и перед царем, и в начавшейся борьбе с Распутиным, а также чиновною и придворною оппозициею.

В начале 1911 г. Столыпин достиг кульминационного предела своего возвышения. Позади уже были и выборный *coup d'etat*, и меры «успокоения», и «ставка

на сильного», и «вам нужны великие потрясения, а нам великая Россия», и вызов на дуэль пьяного, растерявшегося вследствие вызова и жалко извинявшегося думского депутата Родичева — за выкрик с трибуны о «стольпинских галстуках»². «Успокоение» необычайно возвысило премьера. Окончательно потеряла голову его весьма бестактная жена. «Представьте себе, — рассказывал мне побывавший у Столыпина на рауте Покровский, — Ольга Борисовна подавала вчера руку только министрам и лицам равного положения. Приветствие товарищам министров ограничивала кивком головы».

Ревнивый к превосходству и популярности сотрудников, царь начал ненавидеть Столыпина едва ли не такую же мучительною ненавистью, какую был одержим по отношению к Витте. Столыпин, с помощью вновь назначенного в 1910 г. синодального обер-прокурора С. М. Лукьянова, разоблачил в Распутине развратного хлыста, чья близость к царской семье представлялась недопустимой, помимо его низостей и грязи, еще по причине предпринятой торговли своим влиянием при дворе, выражавшейся в проведении за соответствующую мзду ряда постыдных дел и в устройстве на разные посты мерзавцев и проходимцев. И настоял на удалении Распутина. Последний должен был выехать на родину в Сибирь. За разоблачение и удаление Распутина, вскоре, впрочем, возвращенного отправившеюся за ним А. А. Вырубовою, возненавидела Столыпина царица. И еще разожгла неприязнь царя к премьеру. Потом случилось, что одобренный Государственною думою стольпинский проект введения земских учреждений в Юго-Западном крае был отклонен Государственным советом. Столыпин потребовал и добился от царя роспуска совета на три дня для утверждения проекта единоличную царскою санкциею в порядке проведения срочных законодательных мер во время перерывов законодательных сессий³. И настоял на временной высылке из Петербурга члена Государственного совета, бывшего министра внутренних дел П. Н. Дурново, явившегося главным зачинщиком провала стольпинского проекта в совете. Такая «расправа» с высшею законодательною палатою и с одним из ее лидеров *глубоко* возмутила высшие чиновные и придворные круги. В них создалась начавшая ломать Столыпина сильная оппозиция. Общий был голос: «Столыпин зазнался».

Но Столыпин не считался с этою ополчившеюся против него оппозициею. Капитулировать перед врагом куда более опасным было не в обычае премьера. Но звезда его меркла и закатывалась перед таким фактором, непреодолимым даже для Столыпина, как неприязнь царя и царицы. При наличии и росте этого фактора надо было уйти. Можно было рассчитывать на наместничество на Кавказе. Царь сам намечал назначение Столыпина на должность наместника, чтобы отделаться от него в качестве премьера⁴. Великая мудрость — уйти вовремя. Препятствует, однако, сладость власти, вкусив от которой, говорят, трудно от нее отказаться. Столыпин вовремя не отпросился на кавказский пост, *не успел*. За эту ошибку властолюбия он заплатил своею жизнью.

Царь отправился в Киев на открытие памятника императору Александру II и для присутствия на больших маневрах войск Киевского военного округа. Его сопровождал Столыпин. На парадном спектакле в театре во время антракта Столыпина смертельно ранил выстрелом из револьвера охранник Богров. Столыпин через несколько часов скончался⁵.

Охрана была вверена генералу Курлову. Провокаторы-террористы типа Азефа использовались до того времени Департаментом полиции именно в качестве

провокаторов и главным образом осведомителей. Теперь они оказались допущены в состав охраны. Это представилось настолько ошеломляющим, что действия генерала Курлова были взяты под подозрение. *Открыто говорилось не то что о непредупреждении, даже не о попустительстве, а о непосредственной организации им убийства Столыпина.* Было назначено следствие над его действиями и командированного в помощь ему в гор. Киев вице-директора Департамента полиции Веригина. Вскоре по повелению царя, отнесшегося к убийству Столыпина поразительно равнодушно, следствие было прекращено. Прекращение его никого, однако, не убедило. Общество не сняло с генерала Курлова самых тяжких обвинений.

Столыпина я знал мало, но с давних пор. Встретился с ним впервые в девяностых годах прошлого столетия у общей нашей тетушки Дарьи Петровны Оболенской. Он был в ту пору ковенским уездным предводителем дворянства. Высокий худощавый брюнет с больною (сухою) правою рукою, которую он подавал неловким броском, лишенною координированного движения. Лицо открытое. Выражение сосредоточенное, серьезное. Я не видал улыбки на его лице. Особенностью был большой рот с преувеличенным рельефом окаймлявших его губ. Но он скрадывался темными усами и небольшою темною бородой. Прочие черты лица были правильные. Взгляд спокойный и ясный. Общее впечатление получалось от наружности Столыпина, во всяком случае, благоприятное. Нельзя было вообще не признать его видным и даже красивым. В беседе был сдержан. Не словоохотлив. Ничто не указывало на проявившее себя впоследствии блестящее ораторское его дарование. Встречал я его потом в Ковенской губернии. Последний раз встретил на узловой станции Кошедары под Ковною. Я пересаживался на поезд маршрутом на Радзивилишки, направляясь в Кейданы к Покровскому. Столыпин приехал из Кейдан и направлялся в Петербург. Он был тогда ковенским губернским предводителем. Ни губернатором, ни министром, ни премьером я его уже не встречал. Бывая относительно часто по делам службы в Государственной думе, я и там ни разу не имел случая видеть Столыпина и присутствовать при его выступлениях.

* * * * *

С премьерством Столыпина связывается появление его брата Александра Аркадьевича в роли публициста на страницах суворинского «Нового времени». Бездарностью своею новый публицист только срамил своего брата. Бездарность, в особенности претенциозная, а тут была заведомая претензия, притом на такой исключительно трудный жанр, как тонкая сатира, никогда и никому не прощается. А. А. сделался посмешищем в читающих кругах крайнею незадачливостью своих бесплодных потуг на остроумие. Он был особенно жалок от представлявшейся невыгодности сравнений, выступая в такой распространенной в свое время газете, в которой печатались такие признанные таланты, как, на нашей еще памяти, Терпигоров (Сергей Атава), известный отменно злой критик Буренин, позже Амфитеатров (Old Gentleman), Сыромятников (Сигма), П. П. Гнедич (Старый Джон), Меньшиков и другие. А. А. Столыпина вскоре же перестали читать. Но вышучивали его. И ставилось в вину Петру Аркадьевичу, что он до-

пускает такой семейный скандал, как бездарные публицистические эксперименты своего брата, бесцеремонно использовавшего положение и влияние премьера для проникновения в печать. Не будь он братом своего брата, его, конечно, ни одна газета в число своих сотрудников не приняла бы. Его звали в насмешку «августейшим братом» при жизни Петра Аркадьевича и «вдовствующим братом» после смерти премьера.

* * * * *

На похороны Столытина были снаряжены в гор<од> Киев многочисленные делегации от ряда ведомств и учреждений. От Министерства иностранных дел хотели командировать меня. Но я уклонился. Только перед тем родилась моя дочь. Жена еще лежала. И я не решился ее оставить. Отправился мой сослуживец Е. А. Висконти.

Премьерство перешло к Коковцову с сохранением им портфеля министра финансов. Министром внутренних дел был назначен государственный секретарь А. А. Макаров. Раньше он был товарищем министра внутренних дел (при Столыпине).

Коковцов был в упоении власти. Наступила для него эра никем и ничем не стесняемой и не ограничиваемой свободы болтовни, составлявшей преобладавшее его пристрастие. Пока он был только министром, поток его бессодержательных речей все же сдерживался хотя бы в Совете министров председательствовавшим, руководившим прениями. Сделавшись премьером, он стал мучить своими бесконечными речами коллег уже без всякого удержания, без всякой меры. И он окончательно свел свою финансовую политику к одной непроизводительной охране казенного сундука, всячески урезывая испрашивавшиеся ассигнования на самые неотложные нужды. Не разбираясь в международной обстановке, неспособный прозреть таившуюся в ней опасность войны, Коковцов беспощадно сокращал и военные кредиты — на восстановление боеспособности армии и флота и на укрепление обороны страны. Сдерживал и железнодорожное строительство. Отказывал в отпуске средств на расширение совершенно недостаточной стратегической нашей железнодорожной сети.

* * * * *

С освобождением вакансии государственного секретаря, за назначением министром внутренних дел Макарова, ожидалось, что Коковцов, пользуясь своим влиянием в качестве главы правительства, проведет на эту вакансию своего наиболее достойного товарища Н. Н. Покровского. Николай Николаевич до крайности переутомился от эксплуатации его Коковцовым, взвалившим на него непомерную тяготу работы. И материально терпел, получая содержание меньшее, нежели в предшествовавшей должности директора Департамента окладных сборов. Эгоистический и черствый Коковцов был чужд всякой заботы о своих сослуживцах. И в то время как С. Ю. Витте обставлял своих товарищей так, что им неведома была никакая материальная забота, Н. Н. в качестве товарища Коков-

цова порою, по своей многосемейности, остро нуждался. Пост государственного секретаря был бы для него как нельзя более кстати. Работа на этом посту была куда менее трудная и нервная, нежели в должности и в положении Н. Н., а содержание значительно больше, при прекрасной казенной квартире на Литейном против Симеоновской. Коковцов на одном из докладов Покровского заявил ему, что ему известны разговоры об эвентуальности назначения Н. Н. на пост государственного секретаря. «Мне стоило бы сказать слово, — самоуверенно продолжал Коковцов, — и вы получили бы это назначение. Но я этого слова не произнесу по той причине, что вы мне еще нужны на вашей настоящей должности. Потерпите. В свое время я о вас позабочусь».

Государственным секретарем был назначен хотя и не такой хороший человек, как Н. Н., но также *большой* умница и *очень* талантливый товарищ министра внутренних дел Сергей Ефимович Крыжановский.

Из других перемен в составе правительства следует отметить замену еще в 1910 г. вторично призванного на пост министра торговли (*после И. П. Штова*) В. И. Тимирязева управляющим Государственным банком С. И. Тимашевым. Тимирязев был вскоре после вторичного назначения уволен, учинив что-то темное по части нефтяных концессий. Тимашев был совершенно средний человек, но *очень* честный, наружностью напомилавший немецкого пастора. Я был знаком с ним через семью его невестки, урожденной Евреиновой. Когда я еще не перешел в Министерство иностранных дел из Департамента окладных сборов, заходила речь о моем переходе в Министерство торговли, но место, предложенное мне Тимашевым, меня не удовлетворяло. Я уклонился от его принятия, сославшись на ожидавшиеся мною лучшие перспективы в Министерстве финансов.

На место морского министра взамен адмирала Воеводского был назначен симпатичный и красивый старик — адмирал Григорович. В синодальные обер-прокуроры был проведен Распутиным взамен С. М. Лукьянова В. К. Саблер. Министра народного просвещения Шварца сменил директор Московского (Катковского) лицея Лев Аристидович Кассо, левантинец, большого состояния, большого роста, большого восточного сластолюбия и большой реакционной твердости. По внешности — почти страшный румын из оркестра. Утро и день в делах. К вечеру министр облачался во фрак, вдевал цветок в петличку и летел на острова к Эрнесту⁶, где назначал свидание лицам, нуждавшимся в неотложной встрече с ним.

Он переманил к себе в товарищи своего однокурсника по университету, заведовавшего юрисконсультскою частью Министерства иностранных дел, доктора международного права *умного и симпатичного* барона Михаила Александровича Таубе. На место последнего был назначен другой международник, также барон, Борис Эммануилович Нольде.

Помимо этой перемены в личном составе нашего ведомства Сазонов провел давно ожидавшуюся замену другим лицом директора канцелярии Савинского. Последний был назначен посланником в Стокгольм. Заместитель ему был выбран Сазоновым нельзя сказать, чтобы особенно удачно. Новый министр остановил свой выбор на состоявшем при нем секретарем, когда Сазонов был резидентом при Ватикане, совершенно заурядном чиновнике ведомства бароне Маврикии Фабиановиче Шиллинге, переведенном из Рима на должность первого секретаря посольства в Париже. *Шиллинг, сухой, худой, среднего роста блондин рыжевато-оттенка, посадкою откинутаго назад головы напомилавший приведенного в беспо-*

койство индюка, являл собою одержимую самомнением безнадежную бездарность. Если прибавить голос, воспроизводивший треск раскальваемых орехов, то получается впечатление, менее всего внушавшее расположение к обладателю этих малопривлекательных свойств. Что нашел в Шиллинге Сазонов, известно^a было едва ли и самому Сергею Дмитриевичу. При большой лени Сазонова, надо полагать, ему было просто лень выбрать себе действительно подходящего директора канцелярии. Он и остановился на бывшем своем сотруднике, лишь бы долго не думать. *А с Савинским ему надо было так или иначе расстаться.*

Так как вице-директор канцелярии Н. В. Погенполь был значительно старше Шиллинга по годам службы, то, щадя его самолюбие, его назначили советником посольства в Риме. На должность же вице-директора Сазонов, по рекомендации Шиллинга, назначил служившего с последним в Париже в должности второго секретаря Н. А. Базили, сына покойного Базили, бывшего директора Азиатского департамента, потом старшего советника министерства. Н. А. Базили, обладавшему счастливою наружностью и хорошим состоянием, нельзя было отказать в некоторых способностях. Но не менее способного можно было подыскать другого дипломата, постарше Базили. Последний же был еще совершенно мальчиком и отнюдь не вундеркиндом, что могло бы еще оправдать не по годам раннее его назначение на относительно видную должность вице-директора. Первые секретари канцелярии были по годам все старше его.

Со смертью Столыпина *raison d'être*^b Сазонова в качестве послушного орудия в руках его умершего властного свояка миновала. Предоставленный самому себе, Сазонов был на посту министра иностранных дел досадным недоразумением, оставленным по недосмотру. Поверхностность образования, прирожденные лень и легкомыслие при отсутствии опыта ответственного управления не окупались у Сазонова его честностью и не выше среднего умом. Упрямство не заменяло отсутствовавшей твердой воли, как проявлявшиеся в направлении политики непоследовательность и противоречия не имели ничего общего с планомерною, разумною настойчивостью в переговорах и делах. Понимание обстановки, объективная оценка событий, политическое предвидение были совершенно чужды Сазонову. *Никакого политического плана у него не было. Ошибок своих предшественников он не признавал. Трагической неправильности принятого политического курса не понимал и не видел.* Неспособный влиять на события, он уносился их течением. Подходя ко всякому вопросу без предварительного его изучения, чему препятствовала его отменная лень, Сазонов руководился исключительно интуициею, ни разу, на беду, не оказавшеюся счастливою. Он не давал себе труда ни в чем обстоятельно разобраться. Не разобрался и в том, что, похоронив Столыпина, должен был уйти. Остался министром иностранных дел обреченной императорской России на приближавшиеся моменты ответственных решений, когда трагически были нужны стране не сазоновы, а титаны государственной мысли, люди ясного проникновения и непоколебимой воли.

^a В рукописи ошибочно: «неизвестно».

^b Причина бытия (фр.).